

Николай Владимирович Коляда

Куриная слепота

Николай Коляда

Куриная слепота

1996

Коляда Н. В.

Куриная слепота / Н. В. Коляда — 1996

Пьеса в двух действиях. Написана в декабре 1996 года. В провинциальный город в поисках своего отца и матери приезжает некогда знаменитая актриса, а теперь «закатившаяся» звезда Лариса Боровицкая. Она была знаменита, богата и любима поклонниками, но теперь вдруг забыта всеми, обнищала, скатилась, спилась и угасла. Она встречает здесь Анатолия, похожего на её погибшего сорок дней назад друга. В сумасшедшем бреде она пытается вспомнить своё прошлое, понять будущее, увидеть, заглянуть в него. Всё перепутывается в воспалённом сознании Ларисы. Эта пьеса, скорее, стихотворение в прозе: в ней много монологов, авторских отступлений...

Содержание

Первое действие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Коляда
Куриная слепота
Пьеса в двух действиях.

Действующие лица:

Лариса – 45 лет
Дмитрий – 45 лет
Наталья, его соседка – 45 лет
Зорро, её муж – 45 лет
Анатолий, их сын – 18 лет
Отец
Две сестры-еврейки
Мужчина с помойным ведром
Негр
Санитар

Небольшой город в восьми часах езды от Москвы. Наши дни.

Первое действие

ВЕЧЕР

Середина сентября. Двухкомнатная “хрущёвка” Дмитрия Школьников, или “Мити-Школьника”, как зовут его все.

В комнатах почти ничего нет: в маленькой комнате – шкаф и куча жёлтых осенних листьев на полу. В большой: диван, на нём матрас, прикрытый серой тряпкой, рядом с диваном на тумбочке чёрно-белый телевизор. Тут же стоит старая, пятидесятих годов, “горка” с книгами на полках вместо посуды. На потолке дешёвенькая трех розжовая, с одной работающей лампочкой, люстра. Под люстрой – полированный стол. Три разномастных стула по стенам стоят. Ножки у стульев разъезжаются и, если сесть, то стул совсем может развалиться, надо ногами упираться. На той стене справа, что между двумя комнатами – большая трещина. Она стекает от потолка к полу – будто профиль чей-то нарисован.

В большой комнате балкон. Кухня тоже голая: шкафчик, стол, три табуретки. И здесь в углу листья лежат, прикрытые тряпкой. Вся квартира будто нежилое, сдаваемое в наём, помещение.

Самое интересное за окном, за стенами – как картина, декорация в окне нарисована: далеко-далеко церковь видна, ближе новостройка – кран движется, ещё ближе – дома шлакоблочные, зажавшие между собой трамвайную конечную остановку – “кольцо”, рельсы и навесик с киосчком у остановки. Трамвайные рельсы положены прямо у дома, почти у стен его, даже деревца нету у балкона, у окна, и каждые пять минут крыша трамвая и штанга, прикасающаяся к проводам, с грохотом катит мимо, искры сыпятся, так что кажется, что сейчас в квартире начнётся пожар или что трамвай въедет прямо в комнату.

На окнах первых этажей решётки в виде солнца, в виде символики московской олимпиады, ещё решётки с бутонами и цветами, зайцами и медведями. У всех подъездов лежат большие шины от автомобилей, в которых догорают последние осенние цветы – ноготки и астры.

За трамвайными путями, в доме напротив – молочный магазин. И днём и ночью горит в надписи “Молоко” вторая “о”, мигает, жужжит странно. Правда, днём не слышно, а ночью, когда тихо становится, совсем невозможно от этого надоедливого потрескивания. У магазина стоят огромные старые тополя, штук пять, листья с них осыпались на асфальт. Листья лежат со всех сторон дома – кучами, дворники их не убирают: будто кто дом поджечь собрался, всё приготовил и только спичкой чиркнуть осталось.

Слева кран: хочет разбить окна и захватить в квартиру всем тем, что поднимает-опускает.

За стенкой справа воеет собака. Сверху громко кричит телевизор.

В квартире у стола (стоит, не садится) ЛАРИСА. Она в чёрной шляпке, в чёрном пальто, чёрных очках, с саквояжем, в сиреневой вуали, на ногах туфли – “ипильки”. Лариса плачет, маленьким платочком слёзы вытирает. На стульях у стены с трещиной сидят НАТАЛЬЯ и МИТЯ. Ноги широко расставили, уперлись в пол, чтобы не упасть. ОТЕЦ сидит на диване, низко опустив голову. У двери в коридор стоят две СЕСТРЫ-ЕВРЕЙКИ, старухи-близняшки. Руки одинаково на животе сложили, в одинаковых платочках, в одинаковых зеленого цвета пальто. У обоих чёрные усы. За окном кран грохочет, колокол в церкви звенит, трамваи проезжают.

НАТАЛЬЯ (Негромко.) Дура, съела этот пирог зачем-то, он у меня колом типа того что в горле стоит. (Кашляет.)

ЛАРИСА. Какой разврат, какое распутство.

НАТАЛЬЯ. Ни вздохнуть, ни выдохнуть от этого пирога. И под “мостами” кусок пирога застрял, “мосты” менять надо.

ЛАРИСА. Какое распутство, какой разврат.

НАТАЛЬЯ (*Громче.*) Я говорю: зачем я, дура, этот пирог съела, он у меня колом в горле стоит, говорю. (*Сёстрам.*) А ты мне, Сара, типа того что: “Ешь да ешь”. Вот и застрял. Говорила тебе – не надо, а ты – нет. “Мосты” менять надо.

ЛАРИСА. Какие мосты? Кому?

НАТАЛЬЯ. Да вон, Саре и Двойре, у них поминки. Вот с пирогами и ходят по дому. А “мосты” вот эти вот. (*Залезла пальцем в рот, другой рукой оттянула щёку, показывает Ларисе, говорит с трудом:*) Вы-ды-тэ?

ЛАРИСА. Разврат, распутство. Сара и Двойра. Распутство, разврат.

НАТАЛЬЯ. Я спокойна, другой раз. Я верю в переселение душ. Я была в окружении Петра Лещенко. (*Без паузы.*) Как? Вы не знаете Петра Лещенко? Ну вот, здрасьте, другой раз.

ЛАРИСА. Кого?

НАТАЛЬЯ (*Быстро.*) Лещенко. Петра. Я даже его не знала, недавно услышала первый раз и как давай плакать, как давай, как давай, ой, горе, так плакала сильно, как тогда, когда маму хоронила. И чего плачу? И каждый раз плачу, как его слышу. Я даже думала, что я – не я, а я – его душа, в общем-то. Но узнала: он умер в июне, а я родилась в апреле. Не сходится. Жалко. И мне пить нельзя категорически. Лещенко ведь был связан типа того что с ресторанами, а я была в его окружении и это значит – поняли, да? То есть, я могу спиться, если начну пить. То есть, нет – я типа того что выпила свою цистерну в прошлой жизни. Поняли?

ЛАРИСА. Нет.

НАТАЛЬЯ. Ну, просто я заметила, что мне нравится выпивать. Зараза, застрял пирог в плотке и всё. И под зубами что-то мешает, жмёт и жмёт. Мне вот Тольку – жалко. Мне сказали, что он, мол, появился в последний раз. На землю, то есть.

ЛАРИСА. Кто это – Толька? (*Смотрит на трещину на стене.*)

НАТАЛЬЯ. Толька – мой сын.

ЛАРИСА. То есть, его зовут Анатолий? Толей?

НАТАЛЬЯ. Ну, а я что сказала? Толька, да. А что такое?

ЛАРИСА. Так. Странно.

НАТАЛЬЯ. Это вот – Сара и Двойра. (*Сёстры кивают головами.*) Это вот Митька. Молчун наш. “Школьников” фамилия, но раз у него такая трагедь в школе ещё произошла, то и зовут “Митя Школьник”. Нет, он нормальный, у него почти все дома. Его дразнили: “Дмитрий-хитрый – насрал в штаны, а говорит, что заржавело!” (*Долго хохочет.*) Я его в детстве так дразнила. Это – папаша ваш. Я – Наталья. Алексеевна. Вот – вся картина. Всё окружение Лещенко, типа того что. Не к слову чего-то сказала, не то. А Толька, да, помрёт. Восемнадцать, а помрёт. И к ворожее ходить не надо. Он смерти ищет. Через люки открытые на улице другой раз перешагивает. Нет, чтобы отойти в сторону, обойти, нет, возьмёт и перешагнёт. (*Заплакала.*) Придёт домой другой раз, скажет – скучно мне. А чего скучно? Не знаю. (*Хохочет.*) Типа того что, мол, всегда скучно ему. Умрёт. Ну, пусть.

ЛАРИСА. Кто?

НАТАЛЬЯ. Да сын мой, сын. Толька. Это сёстры-еврейки Сара и Двойра. А это – Митя. А это – папаша ваш.

ЛАРИСА. Кто эти женщины?

НАТАЛЬЯ. Я ж говорю: сёстры-близняшки. Евреечки. Мама померла у них. Хорошие другой раз, добрые, молчат всё время и ходят ручка об ручку. Только вот пирог заставили съесть.

ЛАРИСА. Они тоже в этой квартире живут?

НАТАЛЬЯ. Как они тут жить будут? Они ведь еврейки. Близняшки. Старухи.

ЛАРИСА. У них усы.

НАТАЛЬЯ. Правда? Вроде, да, есть. Они евреечки. Интернационал у нас в доме тут. Сёстры-близняшки. Они патронажными сёстрами работают в больнице, ходят по городу, по квартирам, заставляют сифилитиков лечиться, ну, кто скрывается, не хочет, типа того что. Им адреса дают в больнице и они ходят. Так вот, за ручку по сифилитикам ходят. Они с прибабахом обе. Сейчас вот мама у них померла, так давай собираться в Израиль. Ждали, когда она помрёт. Сами уж старухи. Я им: кому вы там нужны в Израиле, дуры, типа того что. Там своих евреев-дураков полно. Там люди сифилисом не болеют, что вы там делать-то будете. Евреечки. Сара и Двойра. Подружки мне. Дуры-дурами. Евреечки.

ЛАРИСА. Что вы как попугай одно и то же?

НАТАЛЬЯ. Чтоб вы поняли.

ЛАРИСА. Поняли, дорогая, поняли, поняли. *(Рыдает.)* “Типа того что, типа того что, другой раз, другой раз”. Мозгами брякает, брякает. Слова-паразиты, Наталья Алексеевна. И не надо передо мной интересничать, мозги запудривать, выдумывать нечто. Я психолог, актриса. Я всё поняла сразу и про вас, и про эту жизнь.

НАТАЛЬЯ. Я разве что-то не то сказала? Кто паразиты? *(Пауза.)* Да, переселение душ. Так что и ваша мамочка тут где-то, я верю. У меня книжек по этой тематике достаточно, дам почитать вам на вашем досуге если. *(Пауза.)*

Лариса сняла пальто и оказалась в каком-то чёрном платье с ворсом. Она словно превратилась в щуплого, но мохнатого зверька. Шляпку не снимает.

ЛАРИСА. Пару концертов и на вырученное проведу эксгумацию. Да, да, да.

НАТАЛЬЯ. А?

ЛАРИСА. Вы бы шли домой, по домам, милочка Наталья Алексеевна, и сёстры евреечки ваши с усами идите к своим сифилитикам, я с ним сама поговорю. Мне надо принимать решение, не буду же я стоять, слушать про ваш застрявший в горле пирог весь день. *(Сняла очки.)* Я поговорю с ним сама.

НАТАЛЬЯ. С кем?

ЛАРИСА. Ну, с этим человеком, который... приютил. *(Тычет пальцем в Митю.)*

НАТАЛЬЯ. Он немой. Вам переводить надо, как без меня? А папаша вас не узнал.

ЛАРИСА. Ну, всё равно же мне надо что-то делать. *(Снимает перчатки.)* У меня все бока болят. Восемь часов от Москвы, а самолёты не летают. Так далеко, в смысле, а не летают. Хотя мне сто километров от Москвы – уже провинция. Не мне одной, впрочем, всей Москве так. Мало того – поезда только плацкартные, нет купе. Безобразие. Распутство, разврат. СВ тоже нет. Даже нет купе! Как я ехала в этой грязи. Я забыла уже, что такое плацкарт. Надела чёрные очки, чтоб, не дай Бог, не узнали, легла на вторую полку, грязные носки везде торчат, воняют, блевотные туалеты, какие-то дикие супермаркеты на остановках: татарки или еврейки, грязные бабы с усами такие же вот, пирожки, картошку, курочек предлагают – жуть, что предлагают, и всё грязными руками. Мне надо ванную, кофе. О, горе. В вагоне дают простынь, но её, простынь, всё равно что на грязную лужу сверху положить, простынь белую. Какая белая – серая и сырая. Положить и лечь на неё в эту грязь. О, Россия, о, моя Родина, порвалась связь времён, куда же ты катишься, куда же ты едешь? *(Пауза.)* Там на диване, на этом пледе – какие-то специфические пятна. Даже страшно становится.

НАТАЛЬЯ *(Смотрит на диван.)* На накидушке? Какие там пятна? Не поняла?

ЛАРИСА *(Кричит.)* Спе-ци-фи-чес-ки-е! *(Быстро ходит по комнате.)* Специфические пятна, чтоб вы поняли, поняли, поняли! И чем набит тот матрас? Листьями? Вы с ума сошли? На дворе конец двадцатого века, а они набили листьями матрас! Нам нужно немедленно в отель, но я боюсь выйти на улицу, поклонники бросятся на меня и снова будут просить автографы. Ужасно, отвратительно, разврат, распутство. *(Вдруг кинулась на колени перед отцом, взяла его руки в свои, трясёт их.)* Папа! Папочка! Это я, твоя доченька! Папочка?! А наша мамочка умерла, бедненькая, папочка! Это я, знаменитая актриса Лариса Боровицкая, твоя

дочь, ну?! *(Пауза.)* Он такой грязный, на себя не похож, будто не он. Вы почему ему не постираете?

НАТАЛЬЯ. А воды всё лето горячей не было. А как дали – некогда типа того что.

ЛАРИСА. Это что же – он всё лето вот так? Бессовестные. Мы сейчас поедem в отель. Есть тут у вас поблизости?

НАТАЛЬЯ. Чего есть?

ЛАРИСА *(кричит.)* Отель, отель, отель, милочка, знаете вы такое слово, нет?!

Ходила по комнате и с размаху села на свободный стул. Ножки у стула разъехались, Лариса упала на пол. Наталья, сёстры и Митя кинулись к ней, схватили за ноги, за руки хотят поднять, тянут в разные стороны, Лариса отбивается от них, визжит. Встала, отряхивается, одёргивает платье. Отец незаметно vyšмыгнул в дверь, вышел на улицу.

Да что такое, я третий стул меняю сегодня, вы что их не сделаете, безобразие????!!

НАТАЛЬЯ *(Сколачивает руками стул, ставит его на прежнее место.)* Надо к стенке прислонять, ногами упираться, он прислонютый, прислонённый был бы и тогда...

ЛАРИСА. Прислонютый, прислонённый, кошмар, кошмар, кошмар, кошмар, милочка, Наталья Алексеевна, русский народ!!!!!! *(Быстро ходит по комнате, дёргает пальцы так, что они хрустят.)*

НАТАЛЬЯ. А при чём тут типа того, что, мол, русский народ, если стул упал?

ЛАРИСА. Да, впереди эксгумация, вы не знаете, чего мне это стоить будет! Нет, не в денежном плане, а в духовном, духовном, духовном!

Пальцем в окно почему-то указала, на едва виднеющуюся верхушку церкви. И будто по сигналу в церкви снова нудно зазвонил, зашёл колокол. Все слушают его. Молчат.

НАТАЛЬЯ. Я знаю. В духовном. Типа того что. *(Улыбается.)*

ЛАРИСА. Что? Что вы знаете? Бедная мамочка. Эксгумация – это ужасно, это – больно. Я видела в каком-то фильме про войну, эти кости, эти истлевшие гробы – ужасно. *(Вертит головой по сторонам.)* Мне надо успокоиться. Я впечатлительный человек, как все люди искусства, а я сама себя завожу, зачем – не надо, Ларочка, всё будет хорошо. Беды от високосного года. Когда он кончится? У меня завтра сорок дней, как умер Анатолий. Погиб. Мой друг. *(Молчит.)* Надо было взять Алекса с собой, он бы быстро организовал билеты, коробку с фильмом – где тут... Поди достань тут кино это, черт.

Села на стул, уперлась ногами в пол, как Наталья, смотрит на балкон.

Пожалуйста, не шыгайте так носом, меня это злит, раздражает.

НАТАЛЬЯ. А я всегда. У меня хронический гейморит. А как заплачу другой раз – вообще льётся, льётся из дырок. Гейморит, прокалывание надо, а не хочу, вредно.

ЛАРИСА. Гайморит, милочка, гайморит. Не “гей”, а “гай”. Господи, Господи!

НАТАЛЬЯ. Ну, гой, гай, гей. Плачу и потому бежит. А ещё пирог в горле застрял.

ЛАРИСА. Ну, плачьте, ради Бога, только вот возьмите платок, а не руками.

НАТАЛЬЯ. Я не руками, а пальцами типа того что.

ЛАРИСА. Да что вы мне наперекор говорите, возражаете? Молчите, прошу. Вы не видите, в каком я состоянии? Нет?! *(Пауза.)* Что это тут на стене? Это рисунок?

НАТАЛЬЯ. Трещина. Старый дом, рушится. Трамвай катает ещё – и трещина.

ЛАРИСА. Будто рисунок. Профиль. Аборигены. Наскальная живопись. Пирамиды Хеопса. *(На улице кричит сова, Лариса вздрагивает.)* Это что? Что было?

НАТАЛЬЯ. К Люське любовник пришёл. Он её для юмора совой вызывает.

ЛАРИСА. Совой?

НАТАЛЬЯ. Чтоб подъезд ему открыла. У нас на замках подъезды, воров боимся. Что ж вы такая сердитая, я – боюсь сказать чего не попад типа того что...

ЛАРИСА *(Бормочет.)* Питекантропы. Другой век. О, Россия. О, моя родина. Совы. Проснись, Россия, очнись, взбодрись. Мозгами тут брякаете и брякаете. Какой разврат, какое

распутство. Прилипло вот: разврат, распутство!!! (*Оглядывается, ищет отца. Испуганно:*) А где папа? Марево, туман, отец, папуля, сидел и – нету?

НАТАЛЬЯ. А вон он. Уже на улке. Напротив. Во-о-он, поглядите туда.

ЛАРИСА. Где напротив? Где на улке?

НАТАЛЬЯ. Да у молочного вон. Он всегда там сидит.

Все идут в ногу к балкону, встали, смотрят на улицу.

Как Митька их подобрал на вокзале, так он сразу стал ходить туда сидеть, а мамаша ваша тут, на стульчике, на него смотрела сквозь стекло, аж прямо жалко их обоих, не знаю, что они были за люди, то ли они, правда, типа того что любили друг друга, что им надо было друг на дружку смотреть всё время. Хотя старики. Я думаю: с ума сошли оба просто и сразу вместе.

ЛАРИСА (*Растерянно.*) Да как же это... Как же это...

НАТАЛЬЯ. Он сядет там, будто греется на солнце, а ему все дают другой раз, а он возмёт так гордо, вечером принесет, бросит на стол, а Митька пожрать купит. Они тут типа того что с месяц жили, я и не знала: Митька немой, ваши молчком.

ЛАРИСА. Заберите, невыносимо, я с ним к врачам за границу, невыносимо!!!!

НАТАЛЬЯ. Забрать? Да он посидит дома и уйдёт. Что ж, не в себе раз. Мы же его оттуда забрали, когда вы типа того что приехали вот сегодня.

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. Кто-то подошёл? У меня куриная слепота, я к вечеру хуже вижу.

НАТАЛЬЯ (*Смотрит в окно.*) Это?

ЛАРИСА. Ну да, да, это, это?!

НАТАЛЬЯ (*Молчит.*) Негр, типа того что.

ЛАРИСА. Что он делает?

НАТАЛЬЯ. Негр? Да денег даёт ему, наверное. Ну да. Дал и пошёл.

ЛАРИСА. Куда?

НАТАЛЬЯ. В магазин, типа того что.

ЛАРИСА. Зачем?

НАТАЛЬЯ. За молоком, знать-то.

ЛАРИСА. Я говорю – зачем он денег ему дал, “знать-то, знать-то, знать-то”?!

НАТАЛЬЯ. Ну раз он просит, дак и дал.

ЛАРИСА. Я говорю – откуда у вас тут негры?!

НАТАЛЬЯ. Бывает. Хотя правда, откуда? Не знаю. Это переселение душ. Вот.

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. Негритос, негритос, он вчера упал с колёс. Чёрный негр пьёт белое молоко. Белое молоко – чёрный негр. Негритос-море слёз. Нет, это не негр. Не негр.

НАТАЛЬЯ. Да негр, я видела.

ЛАРИСА. Не негр. Не негр, милочка! Не негр.

Посмотрела внимательно на Наталью. Ходит по комнате. Достала из сумочки помаду, красит губы, обливает себя духами. Сёстры наблюдают за Ларисой, глазами провожают.

Да, да, эксгумация. Вам всем я оплачу расходы, все старания, ваши страдания. Почему тут лежат листья? Они спят на них? Тихо, не отвечайте, я поняла, а то я вообще умру сегодня от всего. О, мама, о, папа, папочка, мои родные, милые! Нет, тут не в маме с папой дело. Дело в России. Во всей России. Ей надо сказать: проснись, очнись, пробудись, бессовестная, взгляни на себя. Россия – родина слонов, понимаете? Катастрофа с русским народом, зомбирование, пентаграммы кругом сплошные. А вы всё мозгами брякаете ни о чём.

Подошла к Мите, ткнула ему в живот пальцем, тот, глупо улыбаясь, смотрит на Ларису.

Эй, вы. Я вам заплачу. Алекс привезёт деньги. Слышите? Одеревенел. И не смотрите так, я поняла, что вы меня узнали, я дам вам автограф. Потом в Лондон, нет, в Рим – к врачам. Что?

Да, шляпка от Сен-Лорана. Платье от Зайцева. Что?(Пауза.) Зачем тут телефон? Он работает? Зачем телефон, если он немой?

НАТАЛЬЯ. Он инвалид. Он инвалид после того, как папу убил. Ему без очереди.

ЛАРИСА. Кто убил? *(Набирает номер телефона.)* Что? Кто? Я позвоню в Москву, я оплачу всё, всё. Кто убил? Я заплачу, не смотрите так.

НАТАЛЬЯ. Это всё от переселения душ. Эта квартира порченная. Тут жили сначала трое – мать, отец, сын. Сын взял, застрелился, а мать с отцом тут, в проёме в коридоре типа того что повесились оба. С горя. Это давно было. Квартира тринадцатый номер. Ну, что сделаешь, не оставишь ведь её, квартиру, пустую, вот и жили тут Митя с отцом. Он с бабушкой жил и с матерью сначала, потом мать током убило, в сараюшке цыплята были, она лампу там поправляла и током. *(Заплакала.)* А потом такое с папой случилось от переселения душ. Пил отец, бил его, он рос, типа того что злобу копил. Ну и вот. Он в той комнате его, ножиком. Семнадцать лет как раз. А я была молоденькая девушка, мы с ним это – понимаете, да? *(Смеётся.)* Дружила. Зорро не говорите. Ревнует. Девочкам, Саре и Двойре, можно слушать, они не расскажут. Митю в колонию, в детскую сперва, таскали, таскали, отсидел сколько-то там, семь или десять, типа того что, лет. Он психический стал, нездоровый, его даже насильничали в тюрьме там эти гады, он не мужчина уже, у него справка есть. Я его люблю за то, что молодость вспоминаю, как на него погляжу, как мы дружили, когда он здоровый был. Да и Толя-то мой – ну, понимаете, нет?

ЛАРИСА. Нет.

НАТАЛЬЯ. Потом расскажу. Так вот. Да. *(Пауза.)* Всё бы не так, знать-то, склалось, если бы не папа его, если бы не водка эта. А бабушка его из тюрьмы дождалась и померла. А я другого нашла, как его в тюрьму. Быстро довольно-таки, к счастью. Зорро его зовут. Зорро. Посмотрела вокруг, увидела Зорру, он не кривой, не раненый, с руками-ногами, ну, думаю – выйду за него.

ЛАРИСА *(Держит трубку у уха, смотрит поражённо на Наталью, на Митю.)* Кого насильничали? Кого, кто, какое Зорро? Что вы мозгами тут брякаете?

НАТАЛЬЯ. Муж, муж мой, Зорро. Так его зовут. Вообще – Петя. Явится сейчас, увидите, он улицы штанами подметает, работать не любит, а пить – в три горла.

ЛАРИСА. Ничего не понимаю. *(В трубку.)* Алекс?! Соединилось! Как там Москва? Я не кричу, плохо слышно! Я здесь! Не нервничай! Тут мой отец, Алекс! Тут еврейки с усами стоят! Вся синагога собралась! Отец, да! Он, да! Ушёл из дома. Лев Толстой, ети его мать! Я не вру! Вместе ушли! Мама месяц назад умерла, жили у какого-то человека и вообще это всё – кошмар, сон! Алекс, завтра сорок дней, как Толи не стало, а я тут! Надо какой-то обед заказать где-нибудь! Ты слышишь меня? Разве не завтра сорок? Сегодня, я помню! Алекс, помоги, у меня никого нет! Будто каток меня переехал! Тут убийцы, убитые, повешенные, негры, тут ходят негры! Я здорова, у меня всё пойдёт теперь, только разберусь тут. Таблетки? Я здорова! Мне не надо в больницу! Нет, не придумала! Вот люди стоят, они подтвердят, что я тут! Еврейки, подтвердите, ну?! *(Сёстры кивают головами.)* Что? Отец просит милостыню, подавание на улице! Отец великой Ларисы Боровицкой просит милостыню! Не пафос! Он у молочного. Ему негры подают. У обоих с мамой массовый психоз был. Меня не узнаёт. Приезжай, привези с собой коробку с фильмом, я концерт дам, буду в клубе, в доме культуры, или где, заработать на эксгумацию! Приезжай! Рано? Тут вечер! Разница во времени! Перезванивай! Телефон?*(Наталье.)* Номер телефона?!

НАТАЛЬЯ. 4-12-57.

ЛАРИСА. 4-12-57. Пятизначный, это не Москва! Город? Это какой город? *(В стенку стучат, Лариса испуганно кинула трубку, отпрыгнула в сторону.)* Кто это? Что это?

НАТАЛЬЯ. А это – параллельный. Хотя инвалид, а на блокираторе.

ЛАРИСА. Кто инвалид?

НАТАЛЬЯ. Митька – инвалид.

ЛАРИСА (*Молчит.*) Какой инвалид? О, Россия, о моя Родина. О чём ты брякаешь мозгами, Россия? Ни о чём. О, русские люди. Проснитесь, очнитесь, встаньте. (*Пауза, тихо.*) Он убийца, вы же сами только что говорили?!

НАТАЛЬЯ. Убийца? Митька? Да ну. Просто несчастный. А кто счастливый? Да потом всё равно помирать надо, ну, типа того что – переселяться в другое. И отец его тоже переселился. Всё равно старики помирать должны, не так, так иначе.

Лариса села на стул, снова падает, вскрикивает. Ходит по комнате. Сёстры стоят, как мебель, рассматривают Ларису.

ЛАРИСА. Какой концерт. Я чёкнулась совсем. Мозгами брякаю ни о чём. Теперь во всех газетах напишут, по радио передадут, по телевизору покажут: Лариса Боровицкая кинула родителей и... ещё что-то!!!

НАТАЛЬЯ. Зачем они будут такое в газетах писать?

ЛАРИСА (*Помолчала.*) Зачем тут стоят эти сифилитички, что им надо?

НАТАЛЬЯ. Какие сифилитички? Кто сифилитички? Они не сифилитички.

ЛАРИСА. Вот эти вот. У них же носы горбатые!

НАТАЛЬЯ. Ну не впалые же.

ЛАРИСА. При чём тут впалые?!

НАТАЛЬЯ. Если бы они были типа того что сифилитички – у них носы были бы впалые. Поняли?

ЛАРИСА. Слушайте, ну что он там сидит, заберите его оттуда, заберите! (*Открыла дверь на балкон, кричит, боясь выйти:*) Папа! Иди домой! На кого ты похож, будто не ты, папочка?! (*Пауза.*) Господи, какой воздух, пыль на балконе красная.

НАТАЛЬЯ. Промышленность нас загрязняет типа того что.

ЛАРИСА. Ужас. И эта “о” на магазине мигает и мигает, будто орет, что он там сидит, на молоке “о” орет, о! О!! О!!! Днём-то она почему мигает, ну, ну!!!

НАТАЛЬЯ. Закаратило, видно. А мы в газеты не напишем. Если б я ваш адрес знала, то тогда да. Я в газету потому, что мамочка ваша сказала, что вы её дочка и показала фотографию из журнала. Я думала, она – того. А газета нашла героя, ну, типа того что, вас нашла. Я для интересу. Я на марку потратилась. Я так просто, а вы приехали.

ЛАРИСА. Да, милая. Вы на марку потратились, а они прибежали с видеокамерами, за скандалом. Ждите, скоро и к вам заявятся. Им плохая новость – хорошая. Я поеду в гостиницу, в отель, возьму отца, помогите мне его забрать, позовите же его, что ж я буду по улице бегать, кричать, помогите?!!!

НАТАЛЬЯ. Ну что ж, мне покликать его?

Пошла к выходу. Митя мычит. Лариса смотрит на него с ужасом. Митя мычит:

МИТЯ. Па-па... Па-па... Па-па...

НАТАЛЬЯ. Митька... Митенька... Не надо... Не нервничай... Голубчик мой, солнышко, тихо, мой любименький, Митечка, не надо, дорогой мой...

Кинулась к Мите, гладит его по щеке испуганно, слёзы вытирает.

ЛАРИСА (*Поразжённо.*) Это что такое? Это что такое? Так он говорит?! Что случилось? Почему это? Кто он?

Влетает Зорро. Оттолкнув сестёр, кричит с порога Ларисе:

ЗОРРО. Вы ковёр у меня купите, о как. Вам его продам. Никому не продавал, а вот вам – продам. Не подарю. А продам. Обстоятельства форсмажорные, о как.

НАТАЛЬЯ. Явился баран. Вот баран. Вспомни дурака, он и появится. Мой ковёр!

ЗОРРО. Ты, сало колхозное, молчи, монтеклюшка, по колено в землю вгону! И мой, и твой. Наш! Я не примак тебе! Мой! Ташкент напомнить? Сразу: купите. Зачем после? Отсрочка – воровка времени, ведь так?

ЛАРИСА. Что такое?

ЗОРРО. Я говорю: вы ковёр у меня купите.

ЛАРИСА. Это что, вопрос?

ЗОРРО. Как хотите. И утверждение. И вопрос. Я грамотный, не думайте. “Форсмажорные обстоятельства”, знаете такое слово? Нет. О, как!

НАТАЛЬЯ. Уй, чудо-юдо, рыба-кит, рыба правду говорит! Шик-блеск, в жопе треск. Сядь. Молчать. Ну-ка, тихо. Что вот человек про нас подумает. Архаровец. Вот, не видели дураков, посмотрите. Красный фонарь включили будто, рожа красная, уй, алкаш, не смотри на меня!

ЗОРРО. Молчи! Сама архаровец! А Толька – не мой сын. Не признаётся восемнадцать лет – чей. Про это потом. Короче – ковёр. На нём, знаете, что? Наполеон, о как. Вот так руку сделал, о как. У меня сосед сверху врач, он понимает. Говорит: если Наполеон на ковре руку сделал так вот вперёд, значит – он живой был. Ещё.

ЛАРИСА. Кто?

ЗОРРО. Ковёр. Ковёр значит, сделали, когда Наполеон живой был. Врач сказал!

НАТАЛЬЯ. Да какой врач, санитар в скорой помощи, алкашука такая же, спирт тебе таскает, алкоголик хренов, два дурака, пьяные напились вчера, маски пороссячи понадевали, ходили по двору людей пугать, тьфу, стыд, бессовестный!!!

ЛАРИСА. Это кто?

НАТАЛЬЯ. Зорро. Зорро тот самый и есть. Он и есть.

ЗОРРО. Молчи! Дёшево уступлю. Купите? В театре повесите. Красиво будет!

ЛАРИСА. Я вас не знаю.

ЗОРРО. Познакомимся. Я начальников начальник и мочалок командир. Вот этих мочалок – командир. Зорро. Сам себя так назвал. У богатых беру, бедным раздаю. Жизнь у нас тут ой сладкая в городе: слой повидла, слой говна. Живём, а чего? Как киргизы живём: лет десять в квартирах ремонта не делали, не красили ничего, не белили – денег нету. Есть тут у нас в городе – всё: от угля и до грибов. Но одни Паганэли поганные живут. Люблю их так, что поубивал бы. Эту подружку-подлюжку в первую очередь, тоже. Но терплю: худой мир лучше доброй ссоры. Зорро я, герой, защитник бедных!

НАТАЛЬЯ. Врёт. Из дому ворует, несёт и продаёт за бутылку. Это я богатая? Кормлю тебя, обстирываю! Про ковёр не думай – мой! Мне от мамочки досталось! Может, он и правда типа того что бесценный, а ты?!

ЗОРРО. Вы не девчёшка давно. Цвет волос банановый. По телевизору вы другая.

ЛАРИСА. По телевизору другая. По телевизору стучите, там стекло, видите? – не больно, а тут я живая, постучите по мне – я заплачу. (*Заплакала.*)

ЗОРРО. Нет, по телевизору я не вас видел. Вас я вообще не видел никогда. Слушай, она кто такая, эта, в мохнатом платье? А? Как суслик мохнатая!

НАТАЛЬЯ. Да тихо ты, распространяется типа того что!

ЗОРРО. Я и говорю всем – тихо! Тихо в лесу, только не спит барсук, завтра барсук поедет на БАМ, вот и не спит барсук! В смысле, у нас телевизор не работает.

НАТАЛЬЯ. У нас телевизора нету, вынес. И этот бы вынес, Митьку уговорил бы, да сломанный, никто не возьмёт. Придурка кусок! Иди, ишак ты, ишак с рогами!

ЗОРРО. Молчи! Вы с ней не дружите. Она человек без принципов. Видели моего Тольку? Её, вернее. Тут вам такие обстоятельства форсмажорные, ого-го.

НАТАЛЬЯ. Опять?

ЗОРРО. Не опять, а снова. Не видели Тольку? Он чёрный. Ей все, и я тоже, говорим: ты с каким узбеком его нажила, нагуляла? А она в Ташкент ездила, оттуда, привезла Тольку, точно. А она: у меня мама была чёрненькая, ну дак, мол, может он в маму. Такой у неё вариант,

понимаете? Пусть в чёрненькую маму он будет чёрненький, пусть, я согласен, пусть чёрненький, но! – не до такой же степени.

НАТАЛЬЯ. Да я в Ташкент с классом ещё ездила, в десятом, а за тебя взамуж пошла в двадцать пять, бессовестный, людям такое распространяет, врёт, тьфу! Замолчи, иди домой, Зорро проклятая!

ЗОРРО. Молчи, я помню: сразу после десятого я тебя взял! Не думай, что я заспал, я помню! В Ташкенте в арыках валялась. Тебе узбеки пели: “Будешь есть конфеты Мишка и вертеться на мой шишка!” Она с пузом – и со мной к алтарю.

НАТАЛЬЯ. Какому “алтарю”, тогда райком был! Нас в райкоме регистрировали!

ЗОРРО. Молчи, в райкоме, бледная вошь. Вот, хоть вы мне разрешите тогда спор мой с нею. Усирается спорит, что наши вошли в Афганистан в восемьдесят втором, а я ей говорю – в семьдесят девятом. Ну?

МОЛЧАНИЕ.

ЛАРИСА. Что?

ЗОРРО. В каком?

ЛАРИСА. Я почему это должна помнить?

НАТАЛЬЯ. В восемьдесят втором, конечно! И райком был, а не алтарь!

ЗОРРО (*Вдруг начинает кричать, стучать кулаками по стенке.*) В семьдесят девятом, в семьдесят девятом, в семьдесят девятом!!!! Сука?! Мы там десять лет, мы там гибли, десять лет, сука, ты тут в окопах в тылу отсиживалась, жировала, в Ташкент к душманам ездила, по арыкам с ними валялась, а теперь говоришь, что в восемьдесят втором?! Ты, сало колхозное, по колено в землю вгнью!

НАТАЛЬЯ. Вот, всегда такой разговор, видите? По колено в землю и всё, типа того что. В восемьдесят втором!

ЗОРРО. В семьдесят девятом! Да ты хоть одну нашу песню афганскую знаешь, я знаю: “В глухой ложбине он увидел волка, верней, волчицу, а точнее – мать!!!!”

НАТАЛЬЯ. Знаю я. Ты другую свою любимую ещё спой: “Первым делом мы испортим самолеты, ну, а девушек, а девушек потом.” В восемьдесят втором.

ЗОРРО. В семьдесят девятом!!! (*Упал на пол, рыдает, бьётся, Наталья крутит пальцем у виска, показывает это Ларисе. Сёстры молчат всё так же, смотрят.*)

НАТАЛЬЯ. В восемьдесят втором.

ЗОРРО. В семьдесят девятом!!!!

НАТАЛЬЯ. Ты служил? Ты? Да у тебя лёгкие больные, врёшь.

ЗОРРО. Я?! Я?! Зорро не служил? Зорро не служил? Не служил Зорро?! Зорро?! (*Спокойно.*) Да. Я не служил. Но я хотел быть солдат! Я мамке в детстве говорил: солдаты не какают! И потому я хотел быть солдат! Я не служил, да! Фактически не служил. Но мысленно – служил. А главное – мысленно. Вместе с ребятами быть, которые... Которые!!! Поняла?! Признаюсь – видишь, какой честный, при человеке признаюсь: не служил. Признался тебе, ну? И что? В семьдесят девятом?

НАТАЛЬЯ. Ну и всё. Опять за рыбу деньги. В восемьдесят втором.

ЗОРРО. А в КГБ меня не вызывали, скажешь тоже?! Нет?

НАТАЛЬЯ. Отвали, стрекозёл, пристал.

ЗОРРО. Скажи. Вызывали?!

НАТАЛЬЯ. Да вызывали, вызывали.

ЗОРРО. Слышали?! Даже она – признаётся. Я даже подозреваю, что и она – тоже.

НАТАЛЬЯ. Что – тоже? Замолкни!

ЗОРРО (*Поманил Ларису к себе.*) Она тоже – руку приложила. Стукнула туда. На мне КГБ психотропное оружие испытывали. Я инвалид, практически, о как.

ЛАРИСА (*Помолчала.*) Если оружие, то психотронное.

ЗОРРО. Психотропное! Потому что операция по такой работе с такими как я называлась: “Психическая тропа”! Мне никто не говорил, но так думаю. Так что – я инвалид психотропный. Оставьте мне папу вашего. Мы табличку напишем: “Папа артистки, подайте”, и нам дадут. А мы бедным раздадим, о как! Я же Зорро, защитник бедных. Я его сберегу. Не оставляйте Митьке, оставьте мне. Ему папу нельзя доверять. Он знает, что с папой сделал? Я инвалид. Тоже. Психотропное.

НАТАЛЬЯ. Он не врёт, правда. Психотропное, типа того что. У него голоса в голове постоянно. Мне не слышно, но я чувствую, когда рядом с ним сплю, он ворочается. Это связано с переселением душ. Митькиного папы душа тоже тут. Вот негр – не просто так. Что-то с психотропным переселением душ.

ЗОРРО. Не лезь! Что ты знаешь про психотропное? Тебя в КГБ пытали?!

НАТАЛЬЯ. Да кто тебя пытал? Завянь. Не так уж и страшно всё, как он говорит, что вы так испугались, не слушайте его!

ЛАРИСА (*Кричит вдруг, что есть силы.*) Прекратите все, пожалуйста, все!!!! Молчать! (*Тихо.*) Что значит – оставьте?!

НАТАЛЬЯ. Кого оставьте?

ЛАРИСА. Он сказал – оставьте нам папу?! Он что вам – вещь?!

ЗОРРО. Ну да. Оставьте. Вам он зачем? Вы там – таскуетесь. А у нас – будет у нас что кушать тогда. А то так – совсем захирели мы уже безо всего.

ЛАРИСА. Без чего?

ЗОРРО. Да без всего.

ЛАРИСА. Кто таскается?

НАТАЛЬЯ. Он хотел сказать: тусуетесь, тасуетесь, как карты. Ну, как по телевизору они в бабочках ходят, и вы там с ними типа того что. Не таскаетесь, нет. Мы откуда знаем – таскаетесь вы там по мужикам или нет. Нам по барабану, вообще-то, типа того что. Он просто сказал, что нам плохо будет без всего.

ЛАРИСА. Без чего, спрашиваю?!

НАТАЛЬЯ. Да без всего, типа того что.

ЛАРИСА (*Помолчала.*) Детский сад маленьких дебилов, ругающихся матом. Я пойду с папой в отель. Нет, Алекс перезвонит. Я вынуждена здесь сидеть. Ждать денег хотя бы. У меня нет денег. По-моему, меня обокрали в поезде.

ЗОРРО. А сейчас папаша ваш денег принесёт. Ему дают.

ЛАРИСА. Слушайте, вы нормальный?! Вы – идиот? Вы что говорите?! Что?!

ЗОРРО. А что тут понимать? Я что не так сказал?

ЛАРИСА. Так. Всё так. Заберите отца, я поеду. Нет, пойду.

НАТАЛЬЯ. Да сидите. Поговорим, как русские люди. Вы же всё говорите: русские да русские. Ну вот, мы русские, попки узкие, типа того что, Митька, давай бутылочку, у тебя есть, знаю. (*Смеётся, суетится.*) В честь приезда, по-русскому обычаю, выпьем, отметим, артистка у нас, какая артистка у нас! Сара, Двойра, идите, как русские типа того что сядем, сюда, сюда.

ЛАРИСА. Какая бутылочка? Я не буду, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет, нет.

ЗОРРО. Как не буду, все будем, правильно она говорит, Митька, правильно, правильно, она говорит, угощай же ты гостя, ну?

Митя принёс бутылку, поставил на стол. Сёстры, Зорро и Наталья смотрят на бутылку. Молчат. Лариса повертела головой, сказала неуверенно:

ЛАРИСА. Я не буду пить. Тут всё дезинфицировать надо. (*Пауза.*) Впрочем, налейте мне немного. Хотя, может быть, у вас есть бренди, коньяк, виски, а не это?

НАТАЛЬЯ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.